

RU

Сопоставительная характеристика кубачинского и ицаринского идиомов даргинского ареала: фонетические данные

Муталов Р. О.

Аннотация. Цель работы заключается в выявлении общих и отличительных черт в фонетической системе кубачинского языка и ицаринского диалекта цудахарско-сирхинского языка (даргинская ветвь нахско-дагестанских языков). Исходя из экстралингвистических соображений, даргинские языки в годы советской власти рассматривались в качестве единого языка, хотя имели множество отличий на всех языковых уровнях, в том числе и на фонетическом. Они обладают богатой и сложной системой как вокализма, так и консонантизма. Между тем пока остаются неисследованными общие свойства и отличия в звуковой системе практически всех даргинских идиомов, что усложняет проблему создания окончательной классификации даргинских языков и диалектов. В статье подвергнуты сравнительно-сопоставительному анализу звуковой состав кубачинского и ицаринского идиомов и происходящие в них фонетические процессы. Научная новизна исследования заключается в том, что в научный обиход введен значительный по объему новый материал звукового уровня сравниваемых языковых единиц. В результате исследования изучены вопросы образования и функционирования долгих гласных, фарингализованных и лабиализованных звуков, геминированных согласных, а также звуковых процессов, происходящих в кубачинском языке и ицаринском диалекте. Выявлены имеющиеся в сравниваемых идиомах общие черты и различия, установлены звукосоответствия, исследованы принципы места ударения.

EN

Comparative characteristics of the Kubachi and Itsari lects of the Dargin area: Phonetic data

Mutalov R. O.

Abstract. The paper aims to identify common and distinctive features in the phonetic system of the Kubachi language and the Itsari dialect of the Tsudakhar-Sirkhin language (the Dargin branch of the Nakh-Dagestanian languages). Based on extralinguistic observations, the Dargin languages were considered as a single language during the Soviet era, although they had many differences at all linguistic levels, including phonetics. They have a rich and complex system of both vowel and consonant systems. Meanwhile, the common properties and differences in the sound system of almost all Dargin lects remain unexplored, which complicates the problem of creating a final classification of Dargin languages and dialects. The paper presents a comparative analysis of the sound composition of the Kubachi and Itsari lects and the phonetic processes occurring in them. The scientific novelty of the study lies in the fact that a significant amount of new material on the phonetic level of the compared linguistic units has been introduced into scientific use. As a result of the study, the issues of formation and functioning of long vowels, pharyngealized and labialized sounds, geminate consonants, as well as the sound processes occurring in the Kubachi language and the Itsari dialect were investigated. The common features and differences in the compared lects were revealed, sound correspondences were determined, the principles of the stress position were investigated.

Введение

Актуальность темы заключается в том, что в последнее время в связи с глобализацией очевидным стал интенсивный процесс исчезновения малых дагестанских языков. Между тем данные языки обладают богатой фонетической системой, которая все еще остается слабо изученной. Не выявлены общие черты и различия

между различными даргинскими языками как на уровне фонетики и лексики, так и в грамматическом строе, вследствие чего условной остается и классификация даргинских языков. Пока не создана и сравнительно-историческая фонетика данных языков. В годы советской власти они рассматривались в качестве одного языка, хотя уже в классификациях 30-х годов были выделены самостоятельные языки даргинской группы, в частности кубачинский и кайтагский.

В настоящее время, согласно предложенной нами классификации, различается шесть даргинских языков: севернодаргинский, мегебский, цудахарско-сирхинский, кубачинский, кайтагский и чирагский (Список языков России. <http://jazykirf.iling-ran.ru/>). Кубачинский язык является наиболее отдаленным от других даргинских диалектов и языков. Исследованию фонетики и грамматики кубачинской речи была посвящена работа выдающегося кавказоведа А. А. Магомедова (1963) «Кубачинский язык». Издан также кубачинско-русский словарь (Магомедов, 2017). Тем не менее неясными остаются связи кубачинского языка с другими даргинскими языками и диалектами.

Восполнению этого пробела и сравнению фонетического уровня кубачинского языка с материалом ицаринского диалекта цудахарско-сирхинского языка и посвящена настоящая статья. Выбор ицаринского диалекта для сравнения с кубачинским не случаен: данный идиом, пока условно названный диалектом, имеет множество языковых явлений, которые не отмечены в других даргинских языках и диалектах. Исследованию ицаринского диалекта посвящена кандидатская диссертация (Муталов, 1992), а также ицаринская грамматика, изданная на английском языке (Sumbatova, Mutalov, 2003). Ицаринский является соседствующим с кубачинским языком диалектом и имеет значительное количество общих с ним черт. В этой связи следует отметить, что в первой научной классификации даргинских диалектов П. К. Услар (1892, с. 4) относит речь села Ицари (*ГӀуцари*) к кубачинскому наречию.

Достижение цели работы, которая определена как выявление общего и отличительного в звуковой системе рассматриваемых идиомов, предполагает решение следующих задач: а) исследование звукового состава кубачинского и ицаринского идиомов; б) изучение фонетических процессов, происходящих в рассматриваемых идиомах; в) выявление имеющихся звуковых соответствий; г) определение места ударения в различных словах. Для решения намеченных задач используются следующие методы исследования: методы полевой лингвистики (при сборе языкового материала), сравнительно-сопоставительный метод (при выявлении в рассматриваемых идиомах общих и отличительных признаков), метод синхронического анализа (при исследовании отдельных фонетических явлений).

Материалом для исследования послужили полевые записи, собранные нами в ходе экспедиций 2021-2022 годов в селениях Кубачи и Ицари Дахадаевского района Республики Дагестан. Использовались также материалы по фонетике, опубликованные в работах по кубачинскому языку и ицаринскому диалекту (Магомедов А. Дж. Кубачинско-русский словарь. М.: Наука, 2017; Магомедов, 1963; Муталов, 1992; 2021; Sumbatova, Mutalov, 2003).

Теоретической базой исследования стали работы отечественных и зарубежных исследователей Ш. Г. Гаприндашвили (1966), Н. С. Трубецкого (1987), С. В. Кодзасова (1986), А. А. Кадибагомедова (1984), Д. Форкер (Forker, 2020), посвященные описанию различных проблем фонетического уровня даргинских языков. Кроме того, учитывались описательные грамматики П. К. Услара (1892), С. Н. Абдуллаева (1954), С. М. Темирбулатовой (2004), в которых, наряду с другими разделами грамматики, рассматриваются и вопросы звукового состава исследуемых диалектов и языков. Важное значение для раскрытия темы имеет использование работ А. А. Магомедова (1963), А. Дж. Магомедова (2017), Н. Р. Сумбатовой (Sumbatova, Mutalov, 2003), посвященных непосредственно фонетическим особенностям сравниваемых кубачинского и ицаринского идиомов.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при подготовке сравнительно-исторической фонетики даргинских языков; они будут также полезны при исследовании проблем фонетического строя других даргинских и в целом дагестанских языков. Их можно будет использовать в процессе преподавания курса даргинской фонетики и диалектологии в образовательных учреждениях.

Обсуждение и результаты

Сравнительное исследование фонетического строя кубачинского языка и ицаринского диалекта позволило выявить следующие общие для них черты и имеющиеся отличия.

Долгие гласные. Одной из черт, сближающих кубачинский язык и ицаринский диалект, является наличие в них долгих гласных. Хотя данные гласные выделяются исследователями в некоторых других даргинских диалектах и языках (Услар, 1892, с. 7; Магомедов, 1963, с. 37-38; Гаприндашвили, 1966, с. 175-185), они нехарактерны для большинства даргинских идиомов. В кубачинском языке долгота гласных рассматривается как «результат фонетических изменений: слияния гласных или возмездительного удлинения, вызванного утратой последующего согласного» (Магомедов, 1963, с. 38). В данном идиоме утрачивается часто звук *p*, наблюдается утрата звука *xI* и сочетания *pxI*: *ууче* «лошадь», *баакъий* «сделать». В сравниваемых идиомах долгими могут быть все гласные: *aa*, *уу*, *иу*, *ее* (долгота звуков в настоящей работе обозначена удвоением гласных).

В большинстве случаев в ицаринском долгие гласные образуются при присоединении пространственных и направительных превербов к основе простого глагола: *тти* «за» + *акӀуй* > *ттеекӀуй* «запереть»; *зу* «под» + *уцуй* > *зууцуй* «подержать».

В пространственном превербе *би-* «вместе» гласный *и* также имеет долготу: *бишбаркъуй* «присоединить». Отмечаются также случаи удлинения гласных при выпадении фарингалов *гI* и *xI*: *ка* + *гӀяхъуй* > *кяхъуй*

«впустить», *веер* «семь» (лит. *верхел*). Помимо этого, удлинение гласных в ицаринском может происходить и при выпадении смычки *ɤ*: *аɤ* + *кабяхъярай* > *аакабяхъярай* «разинуть рот».

Отрицательные формы глагола в ицаринском образуются посредством повтора основы. При этом классный показатель второй повторяемой основы выпадает, две гласные оказываются в соседстве и сливаются, образуя долгий звук: *бартуй* «оставлять» – *бартаартуй* «не оставлять». Долгие гласные в ицаринском используются также при образовании вопросительных и запретительных форм: *бяркьиблиди?* «сделал?»; *кви* + *ма* + *виркут* > *квимеркутт* «не попадайся». Они функционируют также в наречиях места: *члиш* «вверх», *гвее* «в сторону», *жее* «сюда», *лиш* «к собеседнику» (Муталов, 2021, с. 3810). В кубачинском языке отмечены также случаи образования долготы гласных при их слиянии на стыке слов: *аба* «мать» + *аккваал* «без», «не будучи» > *абааккваал* «без матери» (Магомедов, 1963, с. 37-38).

Фарингализованные звуки. В даргинских языках и диалектах функционируют фарингализованные звуки. Фарингализация звуков характеризуется укорочением резонатора посредством поднятия гортани. «Во время артикуляции согласного возникает специфический хриплый шум трения, который распространяется и на окружающие гласные» (Трубецкой, 1987, с. 310). В кубачинском языке гласные могут фарингализоваться под влиянием соседних фарингальных (*ɟI, xI*) либо фарингализованных заднеязычных (*хɤ, кɤ, кь, гɤ, х, хх*) согласных.

Фарингализованные гласные в даргинских языках и диалектах распределены неравномерно. В севернодаргинском языке фарингализуется лишь гласный *а* (*я*). В кубачинском фарингализуются гласные *а, у, и*: *игъян* «жемчуг», *кьул* «корова», *кьилна* «ворона». В ицаринском также фарингализации могут подвергнуться гласные *а, у, и*: *бяхъуй* «ударить», *гьулр* «заяц», *ххул* «гость», *хьул* «пять», *дилгьяна* «тайна».

В чирагском языке, как отмечает С. В. Кодзасов, фарингализация «имеет явные просодические свойства – она распространяется на цепочку слогов или все слово» (1986, с. 27). Подобное явление наблюдается и в ицаринском диалекте: *гъягъя* «щебень», *гьягьякк* «пастбище», *цьябгьялли* «темно», *бяркьулй* «воспитать». Следует отметить, что порой в минимальных парах противопоставляется фарингализованный тон всего слова нефарингализованному тону другого слова: *кьукьа* «колени» – *кьулкьа* «группа», *кьякьа* «улица» – *кьякьа* «таз (анатом.)» (Муталов, 1992).

Для даргинских языков и диалектов характерно наличие *геминированных* (напряженных) согласных. Но они представлены не во всех диалектах. Геминированные звуки имеются во всех южнодаргинских языках – цудахарско-сирхинском (в т. ч. ицаринском диалекте), кубачинском, кайтагском, чирагском, а также в нескольких диалектах севернодаргинского – гапшиминском, мугинском и муиринском. В сравниваемых идиомах различается 10 геминированных согласных: *пп, тт, кк, кɤ (хɤхɤ), цц, чч, сс, хх, хьхь, шш*. Они соответствуют звонким смычным звукам *б, д, г, хɤ, дз, дж* и глухим фрикативным согласным *с, х, хɤ, ш* севернодаргинского языка.

Следует отметить, что в функционировании геминат в кубачинском и ицаринском идиомах имеются определенные различия. Так, если в кубачинском языке, как и в большинстве южнодаргинских языков и диалектов, геминаты в позициях рядом с другими согласными дегеминируются, в ицаринском они не меняются качественно: *лакк* «подъем» – *ликкри* «подъемы», *ттатти* «отец» – *ттаттби* «отцы», *ацци* «дядя» – *ацциби* «дяди». Однако спиранты-геминаты в исходе слов подвергаются дегеминации: *бассуй* «смазать» – *дасни* «гипс», *асса* «купи» – *асбакку* «не купил», *урхьхьу* «море» – *урхьни* «моря».

Геминированные звуки в ицаринском, в отличие от кубачинского, могут функционировать и в конце слов: *кьатт* «пень», *букк* «змея», *дурупп* «шило», *дисс* «нож». В кубачинском же в конечной позиции геминаты подвергаются дегеминации: *дис* «нож».

При стечении одинаковых звонких смычных в обоих сравниваемых идиомах образуются геминаты: *б + б > пп, д + д > тт*: *чиб* + *бусий* > *чипусий* «поймать» (куб.), *гуд* + *дарккуй* > *гуттарккуй* «найти (внизу)», *чиб* + *бацаарай* > *чиппацарай* «искупаться» (ицар.). По свидетельству А. А. Магомедова, «встреча *п* с *б* также дает геминату *пп*: *ган* + *буклуй* > *ганпуклуй* “беседовать”» (1963, с. 44).

Для даргинских диалектов характерно произношение в конце именных и глагольных форм одного из гласных звуков *и* или *е*. Данное отличие проявляется в использовании в окончании гласного *е* или *и* как в маркерах множественного числа существительных, так и в показателях эргатива, деепричастия и наречия: *дис* «нож» (куб.) – *дисбе*, *дисс* – *дисби* (ицар.). По данному признаку даргинские идиомы можно разделить на 2 группы: а) диалекты, использующие в конце словоформ гласный звук *и* (их условно можно было бы назвать «икающими»); б) диалекты, использующие звук *е* («екающие»).

Кубачинский, с одной стороны, относится к екающим диалектам, как и соседний сирхинский: «...окончанию *и* в именах большинства других даргинских диалектов в кубачинском соответствует *е*. Последний при встрече с формантами или перед начальным согласных последующего слога переходит в *и*: *уцце* “брат” – *уцилдил* (эргатив)» (Магомедов, 1963, с. 39). Ицаринский же является диалектом икающего типа, поскольку в ауслауте слов функционирует гласный *и*; в этом плане он близок к соседнему кайтагскому языку. Между тем екающим является и распространенный в непосредственной близости с ицаринским санжинский диалект цудахарско-сирхинского языка (Forcker, 2020, р. 31).

С другой стороны, в основе слов кубачинского языка наблюдается сужение гласного *е*: в инлауте гласному *е* ряда других даргинских диалектов в кубачинском соответствует *и*: *бик1* «голова», *биц1* «волк», *ниг* «молоко» и т. д. В ицаринском в данных словах представлен гласный *е*: *бек1*, *бец1*, *нейг*. Как отмечает автор кубачинской грамматики, «в основе глагола в кубачинском диалекте не выступает гласный *е*, но может выступать долгий *ее*» (Магомедов, 1963, с. 39).

Лабиализованные звуки в даргинских языках представлены в большинстве языков и диалектов, кроме акушинского, мугинского, гапшиминского и шаринского. В специальной литературе исследователи выделяют первичные и вторичные лабиализованные звуки. Н. С. Трубецкой пишет, что в даргинских языках лабиализованные согласные «во многих, может быть, в большинстве случаев восходят к преддаргинским (правосточнокавказским) лабиализованным согласным» (1987, с. 311).

В кубачинском языке и ицаринском диалекте лабиализованными могут быть заднеязычные и увулярные звуки: *кв, ккв, кIв, гв, хьв, хьхьв хьв, кьв, кьв, гьв, хв, хьв*. Этим они отличаются от соседних сирхинского и кайтагского языков, в которых лабиализации подвергаются и переднеязычные согласные (Кадибагомедов, 1984; Темирбулатова, 2004).

Тем не менее в ицаринском имеется одна глагольная форма, в которой лабиализацию получают все без исключения корневые согласные – переднеязычные, заднеязычные, увулярные, фарингальные, ларингальные. Это форма 1 лица инфинитива. Инфинитив в ицаринском, в отличие от кубачинского, изменяется по лицам, и лабиализация корневого согласного в данном случае – рефлекс выпадающего тематического гласного *у*, представленного во 2 и 3 лицах: *итий ду витвдай* (от *витудай*) *бикквил цаб* «он хочет избить меня», *дам учIвдай* (от *учIудай*) *биккулда* «я хочу читать» (Муталов, 1992).

Лабиализованные звуки могут функционировать как в начале и середине, так и в конце слова: *кквацца* «кобыла», *кквягI* «запах». В ауслaute существительных лабиализованные звуки в ицаринском встречаются лишь в том случае, если согласный исхода – один из заднеязычных *к, кк, кI, г, хь*: *дирихьв* «туман», *мергв* «нора», *дерккв* «шишки», *декв* «молотья».

На образование вторичной лабиализации влияет соседний лабиальный звук. Можно проследить отдельные моменты образования вторичных лабиализованных звуков. При образовании форм множественного числа гласный *у* в исходе отдельных существительных, выпадая, оставляет след в виде лабиализации предшествующего заднеязычного или увулярного согласного (Трубецкой, 1987, с. 31): *мурккул* «сенокос» – *миркквли*; *чахъу* «овца» – *чахъвни*.

Ассимиляция. Уподобление согласных в сравниваемых идиомах наиболее часто встречается при склонении именных частей речи. Если существительное (или другая часть речи) оканчивается на сонорный *р*, то при присоединении падежного окончания, содержащего сонорный *л*, в кубачинском и ицаринском происходит прогрессивная ассимиляция: *р + л > рр*: *кар* «печь» – *карра* «печи» (генитив), *урхьхур* «уздечка», *урхьхурри* (эргатив). В севернодаргинских языках при этом наблюдается регрессивная ассимиляция – элемент окончания *л* уподобляет себе предшествующий сонорный *р*: *кьар* «трава» – *кьалла* (генитив), *шагьар* «город» – *шагьалла* (генитив).

Прогрессивная ассимиляция наблюдается в рассматриваемых идиомах также в тех случаях, когда элемент *л* следует за словом, оканчивающимся на сонорный *н*: *накьун* «мука» + *ли* > *накьунни* (эргатив). В севернодаргинских диалектах при этом форма генитива образуется усечением конечного звука: *ХIясан* «Гасан» – *ХIяса* (генитив) (Абдуллаев, 1954).

Дистанционная регрессивная ассимиляция в ицаринском наблюдается в слове *партар* «одежда», ср.: *палтар* (акуш.). В кубачинском «могут встречаться случаи регрессивной диссимиляции при наличии в слове двух *н*, где первый *н* диссимилируется в *л*: *шилкьан* «мельница», где *шин* «вода»» (Магометов, 1963, с. 54).

В отличие от диалектов севернодаргинского языка, а также соседнего ширинского диалекта, для кубачинского и ицаринского идиомов характерно явление *палатализации* – перехода заднеязычных согласных перед гласными переднего ряда *и, е* в переднеязычные: *кI – чI*: *тIабакI* «поднос» – *тIабучIе* «подносы» (куб.), *битIакIуй* «потянуть» – *битIачIиб* «потянул» (ицар.); *к – ч*: *кабикне* «падение» – *кабичий* «упасть» (куб.), *бакуй* «смазать» – *бачиб* «смазал» (ицар.); *кк – чч*: *бааккай* «нашел» – *бааччий* «найти» (куб.), *бишккуй* «дать» – *бишчичиб* «дал», *аккарай* «попасть» – *аччичиб* «попал»; *г – ж*: *чибагуй* «увидеть» – *чибажиб* «увидел».

Следует отметить, что процесс палатализации в кубачинском развит в большей степени сравнительно с ицаринским – в кубачинском смягчению могут подвергаться согласные, которые не изменяются в ицаринском; ср.: форма множественного числа слова *тупанг* «ружье» – *тупанже* «ружья» (куб.) – *тупанги* (ицар.).

«Лабиализованные заднеязычные в кубачинском перед гласными переднего ряда не подвергаются палатализации: *бееквий* «съесть», *бикквий* «сжечь», *бахьвий* «засеять», *кIве* «два», *кIвинтI* «губа». Момент лабиализации *в* в лабиализованном согласном играет роль согласного, препятствующего смягчению заднеязычных согласных перед гласными переднего ряда» (Магометов, 1963, с. 55).

В отличие от ицаринского диалекта, в словах кубачинского языка регулярным является процесс выпадения звука *р*, который замещается долгой последующего гласного: *уукIе* «сердце» (*уркIи* (ицар.)), *ккуутта* «лиса» (*ккуртта* (ицар.)). В конце слов звук *р* в кубачинском заменяется сонорным *й*: *кьай* «трава» (*кьар* (ицар.)), *муцIуй* «борода» (*муцIур* (ицар.)).

В кубачинском может выпадать также звукокомплекс *рхI*: *бее* «день» (*бархIи* (акуш.)), *вее* «семь» (*верхIел* (акуш.)). В форме результата в кубачинском и ицаринском выпадает также показатель деепричастия *-ли*: *бяркьиб цаб* «сделал» (от *бяркьибли цаб*, букв. «сделав, есть»).

Выявление *звукосоответствий*, их закономерностей имеет большое значение для исследования лингвистических проблем. В системе согласных между кубачинским языком и ицаринским диалектом имеется ряд *звукосоответствий*. Одни из них носят системный характер, другие представлены лишь в нескольких случаях.

Так, звуку *гь* севернодаргинских диалектов в сирхинском и ицаринском соответствует спирант *с*, а в кубачинском – звук *т*: *гьими* «желчь» (акуш.) – *ссими* (ицар.) – *тими* (кубач.); *гьала* «передняя сторона» (акуш.) –

сала (ицар.) – *тала* (кубач.). Аффрикате *ц* ицаринского диалекта в кубачинском соответствует спирант *с*: *ца* «один» – *са*, *уриул* «дрова» – *уусул*, *уц* «бык» – *ус*, *цула* «зуб» – *сула*. Спиранту *гь* в глагольных корнях ицаринского диалекта в кубачинском соответствует звук *х*: *багьуй* «узнать» – *бахий*, *баргьуй* «сшить» – *баахий*.

Ударение. В севернодаргинских диалектах, в т. ч. и в акушинском диалекте, основе даргинского литературного языка, ударение выражено слабо или не выражено вовсе. В кубачинском и ицаринском ударение выражено яснее. Как отмечает А. А. Магометов, в кубачинском «по месту ударения могут различаться глагольные формы, например, по ударению могут отличаться формы повелительного наклонения ряда глаголов от форм прошедшего совершенного времени» (1963, с. 63).

Тем не менее принципы функционирования ударения в даргинских языках и диалектах представляют собой определенную трудность. В южнодаргинских языках труднее установить конкретные правила места ударения, поскольку «оно зависит от конкретной формы и значения слова» (Абдуллаев, 1954, с. 38).

В кубачинском языке «ударение в именах существительных обычно падает на последний слог. При присоединении суффикса множественного числа ударение падает также на последний слог» (Магометов, 1963, с. 63).

Кроме того, делались попытки установления правил ударения в ицаринских словах (Муталов, 1992). Как отмечается в данной работе, большей частью трудности, связанные с установлением закономерностей места ударения, возникают при их установлении в имени существительном. Место ударения в существительном зависит часто от количества слогов в слове и характера исходного звука. Так, в двусложных существительных с закрытым слогом ударение в ицаринском диалекте падает на последний слог: *кьуркьул* «доска», *кIалам* «карандаш». А в словах, состоящих из трех и более слогов с закрытым исходом, ударение чаще всего падает на второй от начала слог: *цIалиппан* «бабочка», *тIалихIан* «посуда». В ряде существительных, образованных при помощи словообразовательного суффикса *-ала*, ударение падает на предпоследний слог: *берквала* «еда», *гьабагьала* «достаток».

В полных прилагательных ударение падает на слог, предшествующий суффиксу прилагательного: *хулаци* «большой», *ххаракци* «далекий». В кратких же прилагательных ударение падает на последний слог: *вяна бар* «теплый день», *бици тIултI* «вкусный хлеб». На предпоследний слог падает ударение и в других словоформах, образованных посредством суффикса *-ци*: *авгьибци* «четвертый». В числительных, образованных посредством суффикса *-ибил*, ударение падает на последний слог: *ирчIемибил* «девятый», *гьану гIябраибил* «двадцать третий».

В простых глаголах ударение всегда падает на первый слог: *баркьуй* «сделать», *Агарай* «уйти». При присоединении пространственного преверба к простому глаголу ударение перемещается на него: *чиКабигарай* «сесть (на что-либо)»; *ттиИбухъанай* «погнаться». Если в глаголе представлена отрицательная или запретительная частица, ударение неизменно переносится на нее: *маБиркьитт* «не делай», *мьгIутт* «не ходи».

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Исследован звуковой состав кубачинского и ицаринского идиомов; изучены фонетические процессы в рассматриваемых идиомах; выявлены имеющиеся звукосоответствия; установлены правила функционирования ударения. Сравнительное изучение фонетической системы кубачинского языка и ицаринского диалекта показало, что, с одной стороны, в них представлен ряд общих черт, не встречаемых в других даргинских идиомах. С другой стороны, выявлены также отличия, которые имеются в звуковом строе двух сравниваемых языковых единиц. В отличие от большинства даргинских языков и диалектов, в них широко функционируют долгие гласные. В кубачинском большей частью они образуются в результате выпадения сонорных *р*, *л*, спиранта *хI* или звукокомплекса *рхI*, что в результате приводит к удлинению соседствующих гласных. В ицаринском долгие гласные являются результатом слияния гласных звуков, которые оказываются рядом при присоединении к глагольной основе направительных и пространственных превербов. В статье рассмотрены вопросы образования и функционирования геминированных согласных, фарингализованных и лабиализованных звуков; исследованы такие фонетические процессы, как ассимиляция, диссимиляция и выпадение звуков. В научный обиход введен богатый материал по фонетике сравниваемых единиц.

В перспективе предполагается продолжить сопоставительное изучение звуковой системы и фонетических процессов диалектов цудахарско-сирхинского и кайтагского языков, соседствующих с кубачинским и ицаринским. Планируется выявить, в какой мере то или иное фонетическое явление развито в исследуемых языковых единицах, определить пути исторического развития таких звуковых процессов в южнодаргинских идиомах, как геминация, палатализация, фарингализация и лабиализация. Предстоит также выработать закономерности функционирования ударения в данных языках.

Источники | References

1. Абдуллаев С. Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала: Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, 1954.
2. Гаприндашвили Ш. Г. Фонетика даргинского языка. Тбилиси, 1966.
3. Кадибагомедов А. А. Фонетические особенности сирхинского диалекта даргинского языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 1984.

4. Кодзасов С. В. Фаринго-ларингальное сужение в дагестанских языках // Актуальные проблемы дагестанско-нахского языкознания: сб. статей / под ред. Г. А. Климова; Дагестанский филиал Академии наук СССР. Махачкала, 1986.
5. Магомедов А. А. Кубачинский язык. Исследование и тексты. Тбилиси: Изд-во Академии наук Грузинской ССР, 1963.
6. Муталов Р. О. Детализация пространства в системе наречий места в ицаринском даргинском // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 12.
7. Муталов Р. О. Ицаринский диалект даргинского языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 1992.
8. Темирбулатова С. М. Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала: Изд-во типографии ДНЦ РАН, 2004.
9. Трубецкой Н. С. Системы согласных в восточнокавказских языках // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987.
10. Услар П. К. Хюркилинский язык. Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа, 1892.
11. Forker D. A Grammar of Sanzhi Dargwa. Berlin: Language Science Press, 2020.
12. Sumbatova N. R., Mutalov R. O. A Grammar of Icari Dargwa. München – Newcastle: LINCOM Europa, 2003.

Информация об авторах | Author information

Муталов Расул Османович¹, д. филол. н., проф.

¹ Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва

Mutalov Rasul Osmanovich¹, Dr

¹ Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

¹ mutalovr@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.11.2023; опубликовано online (published online): 26.12.2023.

Ключевые слова (keywords): даргинские языки; кубачинский язык; ицаринский диалект; фонетические процессы; ударение; Dargin languages; Kubachi language; Itsari dialect; phonetic processes; stress.